

УДК 1(091)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НЕОПРАГМАТИЗМ*

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
andrkw88@gmail.com

Аннотация. После крушения «Атлантической стены» и размывания границ между континентальной и аналитической философией произошел исторический поворот в аналитической философии, и вопреки ожиданию появления на философской сцене постаналитической философии ее место занял неопрагматизм, хотя эти термины по сути указывают на один и тот же феномен. Эта ситуация демонстрирует современное определение аналитической философии скорее как техники и инструментария, нежели как набора проблем, определяющих философское направление. Неопрагматизм, в свою очередь, более соответствовал сохранению гуманистических интеллектуальных традиций, удовлетворяя содержательные запросы, которые к началу XXI в. выходят на передний план, потеснив изощренный логический инструментарий и элитарный метод, непригодные для массового потребителя философских знаний, сформировавшегося в этот период.

Ключевые слова: аналитическая философия, исторический поворот, прагматизм, неопрагматизм, гуманизм.

Для цитирования: Косарев, А. В. (2022). Исторический поворот в аналитической философии и неопрагматизм. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 46-53. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.46-53.

A HISTORICAL TURN IN ANALYTICAL PHILOSOPHY AND NEOPRAGMATISM*

A. V. Kosarev

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
andrkw88@gmail.com

Abstract. After the collapse of the “Atlantic Wall” and the breaking of the boundaries between continental and analytic philosophy, there has been a historical turn in analytic philosophy, and contrary to expectations of the emergence of post-analytic philosophy on the philosophical scene, neo-pragmatism took that place, although these terms indicate in a rough way the same phenomenon. This situation demonstrates the modern definition of analytical philosophy as a technique and toolkit rather than a set of problems that define a philosophical tradition. Neopragmatism, in turn, was more consistent with the maintenance of humanistic intellectual traditions, satisfying substantive needs, which by the beginning of the XXI century. come to the foreground, pushing back the sophisticated logical toolkit and the elitist method, unsuitable for the mass consumer of philosophical knowledge that was formed during this period.

Keywords: analytical philosophy, historical turn, pragmatism, neo-pragmatism, humanism.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-011-00437 «Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот».

* The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00437 «Neopragmatism in the philosophy of science: relativism and rethoric turn».

For citation: Kosarev, A. V. (2022). A Historical Turn in Analytical Philosophy and Neopragmatism. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 46-53. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.46-53.

Интерес к аналитической философии как к наиболее влиятельному направлению философии XX в. в последнее время приобрел два новых фокуса. Они неизбежно возникают в отношении к любой традиции, которая прошла свой зенит и претерпевает некоторые изменения. Первый ставится к будущему этой традиции, к тому, какой путь развития она изберет, если она вообще оказывается жизнеспособной в новых условиях, а второй – к ее прошлому, когда уже есть основания подвести итог и сказать, откуда пришла и чем была та или иная философская традиция. Десятки работ, публикуемые каждый год в последние десятилетия, посвященные истории различных периодов аналитической философии, непосредственно свидетельствуют о том, что такой кризисный момент самоопределения и определения в истории для нее наступил.

В момент пика популярности аналитической философии она резко и традиционно противопоставлялась континентальной философии. Сегодня это противопоставление стало уже достоянием истории. При этом история показала, что оба направления, при их непримиримой позиции друг к другу, обладали некоторой общностью, которая, возможно, и позволила им сблизиться впоследствии, а именно – значительные отклонения от норм традиционной философии [Preston, 2007, p. 1]. Можно выделить еще одну общую черту для обеих традиций, которая каким-то образом их объединяет – это отсутствие определяющих доктрин, и которую А.Престон считает специфической именно для аналитической философии и в целом «разрушительной проблемой для чего-то, что претендует на то, чтобы быть философской школой, движением или традицией» [Ibid., p. 2]. Сам Престон настаивает на иллюзорности аналитической философии в силу обозначенных факторов, посвятив обоснованию этого тезиса целую книгу [Ibid.]. Речь при этом идет не о том, что не существовало такого феномена, как аналитическая философия, а о том, что аналитическую философию нельзя назвать философской школой. По мысли А.Престона, «философская школа» всегда имеет некоторый уникальный набор философских взглядов или определяющих доктрин, тогда как аналитическая философия – это, прежде всего оригинальный инструментарий для анализа языка [Ibid., p. 2]. Кто-то может возразить, что можно сформулировать некий универсальный «лингвистический тезис», который и будет общей доктриной для аналитической философии, но, однако, и он не является чем-то специфичным для нее. По крайней мере, к 70-м гг., когда размывается и «лингвистический тезис», становится понятно, что ведущие аналитики никогда не понимали этот тезис сколько-нибудь единообразно, и в целом понятие аналитической философии оказывается нечетким [Ibid.].

Однако и континентальная философия обладает той же «нечеткостью доктрин», вернее сказать, их множественностью и смешанностью, и вероятно поэтому и можно задать только одну для обеих традиций характерную особенность, не-доктринальную, а скорее социологическую, к которой часто прибегают для описания этих традиций, - принадлежность к какому-либо региону, как деление на «англо-саксонскую» и «европейскую» философии. Этот ход также малопродуктивен, поскольку он не будет

в точности характеризовать ни специфику этих традиций, ни тем более направление их исследований, которые, как опять-таки показывает время, возможно, различались только по методу, а не по доктринам. Не исключено, что такое размывание границ аналитической философии привело к тому, что в эти границы смогли встроиться многие другие направления, которые, в конечном итоге, ни по духу, ни даже по методу уже не соответствовали изначальным интенциям аналитической философии, а тем, кто по-прежнему использует это понятие, приходится схватывать его интуитивно.

Задача написания истории аналитической философии сталкивается с двумя парадоксами, которые описывают аналитическую философию в ее отношениях с историей. Первый парадокс заключается в том, что для того, чтобы разобраться с тем, как устроена аналитическая философия, чем она была и в каком виде она существовала с 30-х до 60-х гг. – в период своего расцвета, требуется исторический взгляд на аналитическую традицию, при этом сама она в принципе отвергала саму возможность, а не просто продуктивность такой оценки. Настаивая на аисторическом или даже антиисторическом характере своей деятельности, аналитики как будто не расставили якоря, которые позволили бы будущей истории философии вписать их в структуру философского исторического процесса. В этом отношении очень характерны работы [Пассмор, 1998; Пассмор, 2002], которые можно охарактеризовать по схеме, аналогичной парадоксу Менона: если вы не погружены в аналитические дискуссии, вы мало что поймете в этих книгах, кроме разве хронологической последовательности имен, а если погружены, то они будут для вас малоинформативными. Аналитическая философия с ее техническим формальным языком отнюдь не была доступна каждому, напротив, она была крайне специализированной, можно сказать, элитарной областью, требующей постоянного совершенствования и гарантированного профессионализма ее приверженцев, поскольку «мимикрировать» под «своего» в таком дискурсе фактически невозможно. А потому чтение истории аналитической философии превращается в своего рода перелистывание страниц чужого семейного альбома: не будучи в родстве с этими людьми, вы никогда не узнаете кто они, откуда, чем занимались и зачем жили, особенно если прежние владельцы альбома не оставили под фотографиями ни одной подписи.

А. Макинтайр иллюстрирует отношение аналитиков к истории, вспоминая одну шутку О. У. В. Куайна: «Куайн шутил, что есть два типа людей, интересующихся философией: те, кто интересуются философией, и те, кто интересуются историей философии. ... [К]онтршутка такова: люди, интересующиеся философией сейчас, обречены стать теми, кем через сто лет будут интересоваться только те, кто интересуются историей философии» [Макинтайр, 2021, с. 123]. Можно перефразировать это высказывание так: если сегодня вы чужды истории, не удивляйтесь тому, что завтра о вас напишут другие. Как кажется, аналитическая философия не выдержала даже обозначенный Макинтайром условный столетний срок, а способ ее нынешнего существования скорее вводит в замешательство, чем объясняет что-то относительно ее целей, доктрин и границ. Именно поэтому возникают противоречивые оценки ее нынешнего существования: хотя аналитическая философия по-прежнему является одной из ключевых сил на философской арене, все чаще можно увидеть рассуждения о том, что она пребывает в кризисе, исчезла так же стремительно, как и набрала авторитет, или вовсе умерла раз и навсегда.

Второй парадокс заключается в том, что наследником аналитической философии стало направление, которое крайне бережно и щепетильно относилось как к истории, так и в целом к историческому процессу – американский прагматизм. Примечательно в этом отношении замечание представителя неопрагматизма Дж. Марголиса [Margolis, 2010, p. 36], что некоторые прагматистские доктрины, хотя и могли исходно рассматриваться как провокационные, теперь набирают популярность, и их нельзя продолжать игнорировать и подвергать гонениям, как это делалось ранее. Прежде всего, это историчность, релятивизм и инкультурация. Марголис признает, что опирается здесь на собственные предпочтения, но настаивает на том, что если не учитывать значение этих направлений для прагматизма (и философии в целом) и не придерживаться их, то прагматизм просто потеряет силу. Понятно, что все три доктрины никогда не только не входили в область интересов аналитической философии, но и наиболее резко отвергались и критиковались.

Трудно сказать, в какой момент произошло слияние традиционных американских мировоззренческих оснований, тесно спаянных с прагматизмом Пирса, Джеймса и Дьюи, и формального аналитического инструментария, завезенного на американский континент европейскими интеллектуалами в годы Второй мировой войны и стремительно завоевавшего популярность и авторитет. К середине XX в. уже мало кто в США испытывал иллюзии насчет возрождения прагматизма, и тем более удивительно, что его возрождение произошло силами самой аналитической философии.

Неизвестно, как сложилась бы ситуация в иных культурно-исторических обстоятельствах и каким бы было будущее аналитической философии, но в 80–90 гг. XX в., если выразиться фигурально, рухнула не только Берлинская стена, позволив коммуницировать в открытую и на равных основаниях идеалистическому и материалистическому направлениям, но и «Атлантическая стена» [Боррадори, 1998, с. 9], соединив аналитический и гуманистический, т. е. прагматистский дискурсы. Раскрывая понятие «Атлантической стены», Боррадори обозначает два взаимосвязанных явления. «Необратимая профессионализация философии», прежде всего аналитической, которая привела к тому, что, примкнув к естественным и точным наукам по методу, она, в силу этого, стала постепенно терять связь с общегуманитарным дискурсом. Аналитическая философия вышла на антигуманитарный курс и дискуссии с европейскими интеллектуалами поддерживали по большей части только литераторы [Там же, с. 18]. Именно в этот момент и пролегла стена между аналитической и континентальной философией, заблокировав проникновение каких-либо философских идей не аналитического толка из Европы в Америку.

Однако эти по большей части гуманистические идеи сохранялись в самом американском мировоззрении, воспитанном на прагматизме. Прагматизм с гуманизмом отождествляли еще первые прагматисты в лице Ф. К. С. Шиллера [Шиллер, 2003], который утверждал, что в центре интересов прагматизма находятся проблемы человеческой жизни и опыта и проблемы реального мира, с которым человек полагает, что находится в контакте. Прагматизм является формой релятивизма, поскольку гуманизм симпатизирует относительности, противопоставляя себя абсолютизму и натурализму, и разделяет

экспериментальную теорию значения, т. е. такую, которая признает верификацию опытом (экспериментом) или наблюдением, поскольку истина должна быть подвергнута проверке (этот тезис был исходно выдвинут Пирсом и Джеймсом и сформулирован как максима Пирса). Наконец, цель прагматизма формулируется как лишение абсолютистских претензий всякого смысла, поскольку истина и знания соотносятся с человеком и его жизнью, а не абсолютны или умозрительны. Фактически в этом тезисе фиксируется окончательная антиобъективистская направленность прагматизма. Трудно представить тезисы более диаметрально противоположные интересам аналитической философии, которая принципиально позиционировала себя как философию вне всяких социальных, исторических или политических потрясений.

Тем не менее, начиная с 80-х гг., представители поздней аналитической философии уличают друг друга в приверженности к прагматизму, а вместе с ним – к антиобъективизму и релятивизму. Инициатива исходила от Рорти. Как мы писали, приводя аргументы к тому, что спор о реализме между Рорти и Патнэмом привел в итоге к релятивистским позициям в неопрагматизме, «ни Рорти, ни другие ..., занимая “стихийную” неопрагматистскую позицию, не ставили себе задачи ни сколько-нибудь последовательно оправдывать прагматизм, ни каким-либо образом институционализировать его» [Косарев, 2020б, с. 82]. Тем не менее, сквозь общее отрицание своей принадлежности к прагматизму у многих аналитических философов хорошо просматриваются некоторые симпатии к этому направлению. Приведем в качестве примера позицию Д. Дэвидсона, который не только видит «определенное историческое движение от неокантианской немецкой философии к прагматизму ...», но и утверждает, что «единственной особенностью американского мышления является прагматизм. Но, – поясняет он, – я не столь привержен этому прагматизму в философии, как, скажем, Рорти. Хотя Рорти утверждает, что я прагматист» [Боррадори, 1998, с. 55]. Марголис называет Р. Рорти, Т. Куна и О. У. В. Куайна «концептуальными кузенами прагматизма» во введении к [Margolis, 2010, p. ix]. Если позиция аналитиков в отношении обозначения их интеллектуальных связей с прагматизмом более осторожная, то сторонники возрожденного, во многом благодаря усилиям Рорти, неопрагматизма (к которому часто относят и самого Рорти) гораздо более прямолинейны: многие концепции еще одного представителя неопрагматизма – Р. Бернштейна – в 80-е г. уже прямо формируются под влиянием континентальной философии (Гадамера, Хабермаса) [Косарев, 2020а], и Рорти во введении 1993 г. к работе У. Селларса «Эмпиризм и философия сознания» еще раз повторяет эту позицию: «... Свободный и легкий переход от философии языка и сознания, с одной стороны, к всемирно-историческому видению – с другой, заставляет вспомнить не только Мида и Дьюи, но также Гадамера и Хабермаса ... [П]ротогегельянство Селларса и Брэндома свидетельствуют о том, что подход к традиционным проблемам аналитической философии с точки зрения “социальных практик” в духе Селларса и Брэндома может восстановить связь этой философской традиции с так называемой континентальной традицией». И дальше: «Хочется верить, что когда-нибудь, в будущем, на этот уже набивший оскомину “аналитико-континентальный” разрыв будут смотреть как на неудачный и временный перерыв в общении ...» [Селларс, 2021, с. 29].

Результат взаимодействия прагматизма и аналитической философии представляется весьма амбивалентным. Можно сказать, что в результате такого слияния прагматизма и аналитики американская философия снова, как в годы процветания прагматизма, стала более доступной широким массам, но не стала при этом более простой, отдавая дань аналитической философии. Неопрагматисты взяли на себя роль популяризаторов некоторых достижений аналитиков, хотя сами аналитики предельно недовольны предлагаемыми интерпретациями, зачастую видя в них нечто, что иллюстрируется поговоркой «слышат звон». С одной стороны, можно подумать, что неопрагматисты профанировали аналитический дискурс, существенно упростив его и, тем самым, сделав его доступным «слабому мышлению» (weak thought), т. е., пользуясь пояснением термина у Дж. Боррадори, превратив его в далекие от научного самовыражения и более литературные европейские дискуссии [Боррадори, 1998, с. 11]. Неопрагматисты подмешали в элитарный мир строгой рациональности изрядную дозу «слабого мышления» в виде значимости коммуникативных практик для установления истин о мире (а не только истин предложений о мире), подчеркнув роль интерпретирующего сообщества в познании мира (а не только техник и инструментария), признания различий в концептуальных схемах, и в целом, настаивая на общей релятивизации знания. С другой стороны, популяризовав этот достаточно элитарный и закрытый дискурс, неопрагматисты спасли его от блужданий в лабиринте собственных узких, почти «сектантских» проблем лингвистического анализа, прекратив «схоластические препирательства [аналитиков. – А.К.] по поводу точной формулировки» [Фуллер, 2021, с. 57], и приостановив интенцию исследовать в мельчайших подробностях узкоспециализированные темы. С другой стороны, если понимать континентальную философию в согласии с определением С. Фуллера как традицию «дурных рассуждений, ложных филологических изысканий, эксцентричных историй, обскурантизма и гипербола», т. е. как «целый букет преступлений против истины» [Там же], то становится очевиден значительный потенциал аналитического подхода для не аналитических целей, который заключается в строгости, последовательности и точности формулировок и мышления, и который способен компенсировать недостаточную строгость континентальных подходов, и раскрывать его в таком качестве стали именно неопрагматисты. Крайне емкую формулировку обоих подходов дает С. Фуллер: «В вымысле вы не знаете, что живете в ложном мире, тогда как в гипотезе знаете, что не живете в ложном мире. В обоих случаях “истинный мир” не обладает никаким определенным эпистемическим статусом. Напротив, вы предполагаете “ложный мир” и в своем рассуждении исходите из него. С этой точки зрения континентальные философы – это поставщики вымыслов, а аналитические – гипотез» [Там же].

Общий результат этих процессов в американской философии, с учетом возрождения прагматистского наследия и сохранения критериологических аналитических принципов в исследованиях, очевидно, привел к появлению если не некоторой химеры, несущей в себе признаки обеих традиций, то, по крайней мере, к появлению нового направления в философии, которое в равной мере можно обозначить любым из терминов: и как «неопрагматизм», и как «пост-аналитическая философия». Однако, термин «постаналитика» не прижился, тогда как неопрагматизм надежно и прочно вошел в философский обиход. Означает ли это, что аналитика окончательно сдала свои позиции, а в вопросе сохранения интеллектуальных традиций Нового света прагматизм победил? Вероятно, все-таки

проблема заключается не в том, что аналитика не справилась с исторической миссией, а в том, что современный мир пришел в ту точку, где истина перестала быть золотым стандартом, уступив место *постправде*, и где доминирующим инструментом служит не логика, а риторика, где лингвистический поворот сменился риторическим, а объективизм – релятивизмом. Удел аналитической философии на американском континенте сегодня – это ее «истории» в самых разнообразных вариациях, тогда как философскую нишу заняли «слишком литературные» произведения неопрагматистов – Марголиса, Бернштейна, Брэндома и др. Для кого-то «исторический поворот» в аналитической философии может показаться крахом традиции, а для кого-то – началом новой эпохи: любителей решать изощренные проблемы узко специализированными формальными методами становится все меньше, но аналитическая традиция продолжает себя в подходах, которые полагают возможным применять строгие формальные методы к анализу самых разнообразных сфер философской жизни.

Список литературы / References

- Боррадори, Дж. (1998). *Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном*. М.
- Borradori, G. (1998). *The American Philosopher. Quine, Davidson, Putnam, Nozick, Danto, Rorty, Cavell, MacIntyre, and Kuhn*. Moscow. (In Russ.)
- Косарев, А. В. (2020a). Второй этап творчества Р. Бернштейна как критический неопрагматизм. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 55. С. 118-126.
- Kosarev, A. V. (2020a). The Second Period of Richard Bernstein's Work as Critical Neopragmatism. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. no. 55. pp. 118-126. (In Russ.)
- Косарев, А. В. (2020б). Основания релятивизма Дж. Марголиса в споре Р. Рорти и Х. Патнэма. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 79-87.
- Kosarev, A. V. (2020b) Foundations of Relativism by J. Margolis in the Polemic of R. Rorty and H. Putnam. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 79-87. (In Russ.)
- Макинтайр, А. (2021). Отношение философии к своему прошлому. *Философия и ее история. Дискуссии*. Новосибирск. С. 103-135.
- Macintyre, A. (2021). Philosophy's Relationship to its Past. *Philosophy and its Past. Discussions*. Novosibirsk. pp. 103-135. (In Russ.)
- Пассмор, Дж. (2002). *Современные философы*. Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.
- Passmore, J. (2002). *Recent Philosophers*. Makeeva, L. B. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Пассмор, Дж. (1998). *Сто лет философии*. Пер. с англ. И. В. Борисовой, Л. Б. Макеевой, А. М. Руткевича. М.

Passmore, J. (1998). *A Hundred Years of Philosophy*. Borisova, I. V., Makeeva, L. B., Rutkevich, A. M. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Селларс, У. (2021). *Эмпиризм и философия сознания*. Введение Р. Рорти. Комментарии Р. Брэндома. Пер. с англ. Г. С. Рогоняна. Научн. ред. Л. Б. Макеева. СПб.

Sellars, W. (2021). *Empirism and Philosophy of Mind*. Rorty, R. (introd.). Brandom, R. (comment.). Rogonyan, G. S. (transl.). Makeeva, L. B. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Фуллер, С. (2021). *Постправда: Знание как борьба за власть*. М.

Fuller, S. (2021). *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. Moscow. (In Russ.)

Шиллер, Ф. (2003). Гуманизм и гуманизмы. Шиллер Ф. *Наши человеческие истины*. М. С. 74-89.

Schiller, F. C. S. (2003). Humanism and Humanisms. *Schiller F. C. S. Our Human Truths*. Moscow. pp. 74-89. (In Russ.)

Margolis, J. (2010). *Pragmatism's Advantage: American and European Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Stanford.

Preston, A. (2007). *Analytic Philosophy. The History of Illusion*. London. New York.

Сведения об авторе / Information about the author

Косарев Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель отдела подготовки кадров в аспирантуре Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: andrkw88@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 17.11.2021

После доработки: 13.01.2022

Принята к публикации: 21.02.2022

Kosarev Andrew – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Postgraduate Training Department at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: andrkw88@gmail.com

The paper was submitted: 17.11.2021

Received after reworking: 13.01.2022

Accepted for publication: 21.02.2022